Победе под Сталинградом посвящается

«Держитесь, ребята, держитесь! Осталось немного!»

С каждым годом все меньше и меньше остается ветеранов Великой Отечественной войны, и тем ценнее для нас их воспоминания о тех кровопролитных боях.

Старший преподаватель кафедры ПАХПП Александр Валерьевич Кузнецов передал в редакцию «Политехника» воспоминания своего дедушки Федора Васильевича Перятинского, защитника Сталинграда, служившего в составе 34-го гвардейского стрелкового полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии.

Федор Васильевич Перятинский родился 27 декабря 1922 года в хуторе Степанчуки Старополтавского района Сталинградской области. После окончания школы работал на Сталинградском тракторном заводе в цехе двигателей на калибровочном станке.

О начале войны я узнал днем 22 июня 1941 года, когда мы с отцом сажали картошку. Бежал мужчина и кричал, что началась война с немцами…

Первоначально мы все считали, что война будет недолгой, но это оказалось не так…
На заводе стали ремонтировать и собирать танки уже в больших объемах. На меня распространялась так называемая «бронь» от призыва на фронт. Но я сам обратился в военкомат Ворошиловского района и 9 июня 1942 года был призван в ряды Красной Армии и направлен в 1-е Астраханское пехотное училище.

Двухлетний курс обучения мы должны были пройти за шесть месяцев.

Где-то в начале августа 1942 года нас срочно направили на переформирование 13-й Гвардейской стрелковой дивизии генерала А.И. Родимцева, которая вышла после боев из-под Харькова и располагалась на левом берегу Волги в лесу рядом со слободой Николаевская Николаевского района Сталинградской области.

Всех курсантов собрали в слободе на стадионе, обнесенным дощатым забором. Здесь нас распределяли по подразделениям дивизии. Меня зачислили в 34-й гвардейский стрелковый полк в учебную минометную роту (82 мм), командиром которой был назначен старший лейтенант Владимир Васильевич Кошелев.

Наша учебная минометная рота 34-го гвардейского стрелкового полка состояла из 4-х минометных расчетов. Командир роты старший лейтенант Владимир Васильевич Кошелев уже имел боевой опыт, начинал войну от самого Днепра. Он был спокоен и строг, требователен и внимателен. В беседах с ним мы познавали существующие реалии

сегодняшней войны, в которых мы в скором времени оказались.

14 сентября 1942 года мы прибыли на левый берег Волги к переправе. Там было большое скопление наших войск, которые подвергались частым налетам немецкой авиации, но интенсивный заградительный огонь из зениток по самолетам препятствовал нанесению точных авиаударов…

Времени на подготовку к переправе у нас не было. Нам выдали винтовки со штыками, а к ним по одной обойме с патронами и пять патрон в подсумок. Расчеты получили минометы с боезапасом мин. Как только стемнело, нам поступила команда на погрузку, и наша учебная минометная рота со своим вооружением и еще человек 250 бойцов плотно заполнили баржу, которую должен был буксировать маленький катер. Сразу противник резко усилил обстрел из минометов и артиллерии, появилась немецкая авиация. Вода вокруг нас просто кипела от разрывов. Осколки врезались в корпус баржи. Мы стали нести потери… Прижавшись друг к другу, мы сидели в ожидании… Такое ощущение, что за нашей погрузкой наблюдает враг и корректирует огонь. Вдруг неожиданно поступила команда срочно покинуть баржу, и нас со всем вооружением отвели в ближайший лесок.

Выжидаем, но через некоторое время вновь прозвучала команда на погрузку. Не обращая внимания на интенсивный обстрел и потери, нам среди скопившихся войск создали коридор для прохода, по которому подразделения 34-го гвардейского стрелкового полка, в том числе и наша учебная минометная рота, в скором порядке с полным вооружением быстро стали грузиться на баржу. Под сильным обстрелом баржа отчалила от берега и медленно двигалась к середине Волги. Взлетали и зависали в ночном небе осветительные ракеты. Вокруг нашей баржи на воде видны были силуэты различных лодок, понтонов и катеров с бойцами, устремленных к правому берегу. От разрывов снарядов и мин неслышно было ни шума двигателя буксира тянувшего баржу, ни команд командиров. Невдалеке от нашей баржи от прямого попадания вспыхнуло судно, перевозившее бойцов других подразделений, в щепки разнесло небольшой катер…

Сталинград был объят пламенем, над которым поднимались клубы черного дыма, а на поверхности воды горела нефть.

Таким образом, в ночь на 15 сентября наша рота высадилась на правом берегу Волги в Сталинграде.

В зависимости от поставленных задач, по приказу командира наша минометная рота по несколько раз меняла свои боевые позиции.

Помню, что одна из боевых позиций нашей роты размещалась в развалинах домов на улице Пензенской (ныне это ул. Советская, а установленная на ней танковая башня на территории ВолгГТУ как раз находилась бы напротив нашей боевой позиции). С этой позиции мы вели огонь по скрытым огневым точкам, по технике и живой силе противника, которые накапливались в развалинах домов выходящих к площади 9 Января со стороны улицы Солнечной (ныне ул. им. 13-й Гвардейской стрелковой дивизии) и улицы Тамбовской (ныне ул. Наумова). А также уничтожали атакующую немецкую пехоту.

Наверное, самое продолжительное время наша рота занимала боевую позицию где-то в районе «Соляной пристани» (где сейчас стена Родимцева). Мы могли контролировать своим огнем площадь 9 Января и прилегающую к ней улицу Тамбовскую.
Оборонительные бои были очень тяжелыми, в нашей роте оставалось до 7 человек, а пополнение приходило не часто, да и то в количестве двух-трех бойцов…

Часто приходилось отражать по несколько атак в день. Немцы кричали нам: «Русские! Буль-буль!», и упорно норовили сбросить нас в Волгу, до которой оставалось не более 200

метров…

Запомнились непрерывные бомбежки и жестокие бои, которые были и в районе мельницы Гергардта. Но, чем ближе мы располагались к немецким позициям, тем меньше была вероятность попасть нам под бомбежку немецкой авиации.
Иногда по ночам было слышно шуршание пролетавших над нами на бреющем полете наших аэропланов ПО-2, которые бомбили участки скопления немецких войск в районе железной дороги.

Были моменты, когда с риском для себя наши командиры вызывали из-за Волги огонь катюш и дальнобойной артиллерии для обстрела атакующих нас фашистов. Так было при массированном штурме наших позиций, когда немцы выходили к берегу Волги. Через наши головы огонь катюш уничтожил на площади 9 Января многочисленное скопление наступающих фашистов.

Где-то в середине октября 1942 года от нашей роты были направлены 2-3 бойца, в том числе и я, в помощь стрелковой роте 42-го гвардейского стрелкового полка, которая находилась недалеко от наших позиций в районе здания мельницы Гергардта.
Задача была как можно быстрее прорыть ход сообщения, соединяющий мельницу с «Зеленым домом» (это один из ориентиров, который назывался по цвету дома, позже его называли «Дом сержанта Павлова»), который выходил на площадь 9 Января.

Ход сообщения рыли в полный профиль с двух сторон. С одной стороны мы вместе с бойцами гарнизона «Зеленого дома», подменяя друг друга, рыли от восточного торца дома в сторону мельницы. Сам ход сообщения начинался из подвала дома, проходил через улицу Пензенскую к развалинам зернового склада, которые находились между домом и мельницей, далее он проходил по территории самого склада, а затем к мельнице, в которой располагался штаб 7-й гвардейской стрелковой роты. А с другой стороны, от мельницы, к развалинам зернового склада в нашу сторону также группа бойцов вела работы по рытью хода сообщения.

Так как улица Пензенская простреливалась и часто подвергалась обстрелу, мы стремились, чтобы ход сообщения, сильно не привлекал к себе внимание противника и был менее заметен. Поэтому на улице Пензенской мы от самого дома углублялись под асфальт.

Мы здесь работали несколько дней и в основном в ночное время. Грунт был тяжелый, особенно на месте зернового склада, попадался старый фундамент, рыли лопатами и кирками.

Когда нас подменяли в работе, мы перебирались под прикрытие дома, в его подвал, который освещался светильником-гильзой из-под снаряда. За это небольшое время мы успевали пообщаться и с некоторыми бойцами дома, и с находящимися среди них жителями, а взрывы и обстрелы дома пугали грудного ребенка, находящегося среди них, и он часто громко плакал.

Бойцы из гарнизона дома успевали и рыть ход сообщения, и уничтожать из ПТР назойливые огневые точки врага, и отбивать их атаки.

Помню, как позже в один из вечеров где-то в конце октября или начале ноября 1942 года мы находились на боевой позиции нашей роты на берегу Волги. На нашем участке в этот момент шел вялый огневой обмен. Вокруг сосредоточено множество орудий, минометов, стонут раненые ожидающие ночной отправки на левый берег… И вдруг недалеко от нас где-то через балочку, из землянок, доносится громкий плач грудного ребенка, плач разносится далеко по берегу… Этот плач заставлял оцепенеть от реальной несовместимости: война, кровь и ребенок. Этот плач до сих пор стоит у меня в ушах…

Командира дивизии Александра Ильича Родимцева в дни обороны Сталинграда мне приходилось видеть часто, так как почти ежедневно, где-то около 23 часов, он с офицерами штаба обходил подразделения дивизии, расспрашивал нас об обстановке на нашем участке, о нашем настроении, выдержим ли натиск фашистов. Говорил нам: «Держитесь, ребята, держитесь! Осталось немного!» Тогда мы многого чего не знали, но верили в своего командира и, конечно, держались.

При атаке позиций врага в ночном бою на склоне Мамаева кургана с 30 на 31 января 1943 года я получил ранение в ногу, боль мешала подняться, и передвигаться было невозможно, пули свистели и впивались в снег… Ко мне подполз командир взвода (нашей штурмовой группы), спросил: «Ранен?». Осмотрел меня и говорит, что ранена стопа и обморожена правая кисть (правую рукавицу я потерял, т.к. во время боя снял ее, потому что наледь и налипший на нее снег мешали нажимать на курок карабина).
Командир взвода взял мой карабин и отдал свою винтовку, сказал, чтобы я полз к своим траншеям: «Вон огонек видишь? Ползи туда, к рассвету санитары вытащат». Я полз долго и тяжело, шальные пули веером свистели над головой, а на Мамаевом кургане наша штурмовая группа вела бой. Подползая к окопу, меня окликнули и бросили мне связанную из портянок веревку. Я зацепился за нее, и меня через заснеженный бруствер втащили в траншею.

Утром санитары на санях перевезли меня по льду на ту сторону Волги в полевой медсанбат, где в палатках на 200-300 человек плотно друг к другу лежали на соломе раненые.

Известие, которое мы с нетерпением ждали, что в Сталинграде одержана Победа, застало меня в медсанбате. Ликовали все: и медперсонал, и раненые!

Позже нас, раненых, на машинах развозили по госпиталям. Госпитали все были переполнены. Я попал в госпиталь, который находился в Средней Ахтубе.

Однажды приехал в госпиталь Чуйков и стал обходить бойцов. Подошел ко мне и говорит:

– Что с рукой? – посмотрел, пальцы согнуты…

– Что это за боец с кошачьей лапой? – обратился к медперсоналу, – А ну займитесь, чтобы он и стрелять мог…

После этого со мной интенсивно занимались, выполнял упражнения на тренировку пальцев… Со временем пальцы стали послушными.

После госпиталя фронтовые дороги довели меня до Пиллау и Кенигсберга, а Победу я уже встретил под Вязьмой в Смоленской области в 192-м запасном стрелковом полку, где формировались маршевые роты. После Победы полку пришлось участвовать на территории прибалтийских республик в ликвидации группировок «лесных братьев».
В ноябре 1946 года я демобилизовался и вернулся в Сталинград.

Встречаясь в Сталинграде в мирное время с однополчанами из 13-й гвардейской стрелковой дивизии, мы всегда посещали места наших прежних боев. Это Мамаев курган с братским захоронением наших воинов, и центральная часть города до поймы реки Царицы. Обязательно подходили к месту, где находился штаб нашей дивизии, который мы называли «Труба». Здесь, на этих местах, наша память подробно воспроизводила эпизоды кровопролитных боев с фашистами и их бесконечные неистовые атаки, а так же эпизоды неимоверной выносливости, стойкости, самопожертвования и бесстрашия наших боевых товарищей и однополчан.
Как мы выстояли и выжили в огненном Сталинграде просто до сих пор непонятно…

От всей души поздравляем Федора Васильевича с 73-й годовщиной Победы под Сталинградом! Крепкого вам здоровья, бодрости духа и долгих лет жизни! Спасибо!